

CLASS IDEAS AND PRACTICES BETWEEN THE 19th AND EARLY 20th CENTURIES

DOI 10.15826/qr.2020.4.527

УДК 94(470)"18" + 316.77 + 342.843

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ГРУППОВАЯ СОЛИДАРНОСТЬ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА ПЕРВОГО*

Дмитрий Тимофеев

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

ELECTORAL CONFLICTS AND GROUP SOLIDARITY OF THE RUSSIAN NOBILITY IN THE REIGN OF ALEXANDER I

Dmitry Timofeev

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The study of the history of electoral conflicts focuses on the identification of conditions in the formation of group solidarity in Russian noble assemblies in the first quarter of the nineteenth century. The author refers to a collection of public speeches, complaints, and petitions filed by representatives of the nobility, the reports and internal memoranda of governors, and the reactions to them by governing authorities in the form of ministerial resolutions, senate orders, and decrees kept in the funds of the Russian State Historical Archive. The author carries out comparative analysis of the content and direction of arguments expressed by the participants and reveals the presence of co-existing discourses on the “spirit” and “letter of the law”, “common good”, the possibility of violating the established

* *Citation:* Timofeev, D. (2020). Electoral Conflicts and Group Solidarity of the Russian Nobility in the Reign of Alexander I. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1274–1291. DOI 10.15826/qr.2020.4.527.

Цитирование: Timofeev D. Electoral Conflicts and Group Solidarity of the Russian Nobility in the Reign of Alexander I // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1274–1291. DOI 10.15826/qr.2020.4.527 / Тимофеев Д. Электоральные конфликты и групповая солидарность российского дворянства в царствование Александра Первого // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1274–1291. DOI 10.15826/qr.2020.4.527.

procedure for holding elections, the priority of collective opinion, and the right of the noble assembly to disagree with the decisions of the provincial authorities. The author also studies the circumstances which caused conflicts to appear. This demonstrates that there were two key factors determining the arguments used in conflicts and the character of group solidarity. First, there were the ideal behaviour patterns for noblemen disseminated by the supreme power, which demanded that opinions be “impartial”. Second, there was electoral competition and the clientelist model of recruiting supporters of candidates for elective offices. In such a situation, electors conspired or filed a complaint to the Minister of Internal Affairs about the deprivation of elected candidates or refusal to confirm them in office by the governor. On certain occasions, such protests were accompanied by drawing up documents not stipulated by the procedure, claims about the priority of general opinion, and insubordination of the noble assembly to the power of the governor. The author concludes that electoral conflicts in noble assemblies had a considerable communicative influence on the power structures of various levels, forcing them to react to group solidarity and arguments about the priority of collective decisions over the opinion of a representative of the provincial authorities. All of this makes it possible to argue that in the first quarter of the nineteenth century, Russia was part of the all-European process of the formation of public institutions.

Keywords: Russia in the first quarter of the 19th century; power and property; social dialogue; communicative practice; public sphere; electoral conflict; nobility elections.

Исследование истории электоральных конфликтов направлено на выявление условий и способов формирования групповой солидарности в дворянских собраниях России первой четверти XIX в. В работе использован комплекс сохранившихся в фондах РГИА публичных выступлений, жалоб и прошений представителей дворянских собраний, отчетов и докладных записок губернаторов, а также ответной реакции правительственных структур в форме министерских резолюций, сенатских предписаний и указов. Сравнительный анализ содержания и направленности высказываемых участниками конфликтного взаимодействия аргументов выявил наличие одновременно существовавших дискурсов о «духе» и «букве» закона, «общей пользе», возможности нарушения установленного порядка проведения выборов, приоритетности коллективного мнения и праве дворянского собрания выражать несогласие с решениями губернских властей. Изучение обстоятельств возникновения конфликтов показало, что важными факторами, определявшими аргументацию и способ проявления групповой солидарности, были, с одной стороны, транслируемые верховной властью идеальные образцы поведения дворянина, предписывающие «беспристрастно» выражать свое мнение, а, с другой – электоральная конкуренция и клиентелистская модель рекрутирования сторонников кандидатов на выборные должности. В сложившихся условиях групповая солидарность выражалась в предварительном сговоре выборщиков или в форме «жалобы» министру внутренних дел на решения губернатора об отстранении/неутверждении в должностях уже избранных

кандидатов. В некоторых случаях такие протесты сопровождалось составлением не предусмотренных процедурой документов, заявлениями о приоритетности «общего мнения» и неподчиненности дворянского собрания власти губернатора. Автор констатирует, что электоральные конфликты в дворянских собраниях оказывали заметное коммуникативное воздействие на властные структуры различного уровня, вынуждая реагировать на проявления групповой солидарности и аргументы о приоритетности коллективного решения над мнением представителя губернской администрации. Все это позволило сформулировать вывод о включенности России первой четверти XIX в. в общеевропейский процесс формирования институтов «публичной сферы».

Ключевые слова: Россия в первой четверти XIX в.; власть и общество; социальный диалог; коммуникативная практика; публичная сфера; электоральный конфликт; дворянские выборы.

Одной из тенденций в историографии общественно-политической мысли Нового времени является отказ от поиска в текстах исторических персонажей внутренне непротиворечивых политических представлений, которые позволили бы безоговорочно причислить их к сторонникам определенной политической идеологии [Российский либерализм; Тимофеев]. Признание того, что в общественном сознании одновременно сосуществовали различные способы осмысления одних и тех же социально-политических и экономических принципов, актуализировало интерес исследователей к истории дискурсивных/коммуникативных практик, выявлению способов публичной аргументации современников изучаемого периода времени [Кембриджская школа].

В России последней трети XVIII – первой половины XIX в. развитие периодической печати, появление разнообразных вольных, официальных и благотворительных обществ, литературных салонов и кружков постепенно расширили круг возможностей индивида публично высказывать свою позицию по различным вопросам. Этому способствовали и созываемые для проведения баллотировки на выборные должности дворянские собрания. Несовершенство процедуры подготовки к выборам, неутверждение результатов голосования губернатором, отстранение от должности уже избранных кандидатов – все это способствовало появлению не предусмотренных процедурой публичных заявлений о несогласии с включением или исключением какого-либо дворянина из избирательных списков, составлению как индивидуальных, так и коллективных прошений, адресованных министру внутренних дел или императору.

В рамках настоящего исследования обращение к социально-коммуникативным аспектам электоральных конфликтов направлено на выявление аргументов их участников и реконструкцию процесса формирования представлений о значимости и способах проявления

групповой солидарности российского дворянства. Сопоставление комплекса архивных дел, отражающих аргументацию участников конфликтов между конкурирующими за выборное место группами дворян, дворянскими обществами и губернскими властями, выявило несколько моделей поведения и способов обоснования важности коллективного мнения.

Одной из форм открытого выражения несогласия с происходившим в процессе подготовки, проведения и подведения итогов голосования были публичные выступления, авторы которых акцентировали внимание на существенных нарушениях процедуры составления избирательных списков и требовали устранения противоречия между формально-юридическими установками, «духом закона» и сложившейся практикой проведения выборов. Ярким примером публичного заявления о несоответствии реального положения и установленного законом порядка является «голос» воронежского помещика штабс-капитана П. С. Шеншина. После прочтения в собрании 10 января 1810 г. текст его выступления был представлен губернскому предводителю дворянства и содержал ряд принципиально важных аргументов против проведения голосования. Автор утверждал, что избирательные списки были составлены с нарушением «высочайше дарованной дворянству грамоты»: к выборам были допущены дворяне, «не имеющие в уезде недвижимого имения», «не владеющие собственным своим, а принадлежащим отцам, матерям и женам их имением», «владельцы людей без земли»; дворяне, имеющие право «присутствовать в собрании при выборе и баллотировании», но не представившие свидетельства о внесении их рода в дворянскую книгу Воронежской губернии. Для большей убедительности своих слов П. С. Шеншин использовал обширные цитаты из текста «Жалованной грамоты дворянству» (ст. 62, 63, 69, 72, 90) [РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а, 1810. Кн. 6. Д. 165. Л. 1⁶–1⁶ об.].

Следует отметить, что подобная апелляция к «букве закона» достаточно часто использовалась в качестве неопровержимого подтверждения справедливости высказываемых суждений. Однако П. С. Шеншин не ограничился только цитированием текста «жалованной грамоты». Для усиления эмоционального воздействия на аудиторию им были использованы несколько риторических приемов. Так, объясняя мотивы своего выступления фразой «сии вышеописанные высочайшей грамоты дарованные узаконения почитаю обязанностию моею соблюсти в точности», автор высказывал уверенность, что все собравшиеся испытывают то же чувство:

Я мыслю, что никто из благородного дворянства не попротивуречит мне в том, что всякой закон есть правило, по которому мы должны поступать, что высочайше дарованная дворянству грамота есть закон, по которому обязаны мы производить выборы чиновников в должности [Там же. Л. 1⁶ об.].

Все это, по его мнению, является достаточным основанием для публичного объявления приказа о немедленном удалении из собрания дворян, не имеющих права участвовать в выборах. Вторым аргументом, публичное опровержение которого было невозможно, – напоминание о состоявшейся за день до голосования процедуре приведения участников собрания к присяге¹. Это обстоятельство, по словам автора, усиливает противоречие между данным дворянином обязательством и выявленными нарушениями:

Вчерашний день мы дали Богу клятву, чтоб нам производить сии выборы беспристрастно, но имеет ли беспристрастие сие соблюстись, если не будут соблюдены постановления сей высокой грамоты.

И наконец, в качестве дополнительного аргумента, подтверждающего обоснованность высказанных претензий, использовалось упоминание о публично провозглашенном призыве губернатора Воронежской губернии «при сих выборах непременно сохранить правила той грамоты и все о сем предмете высочайшие узаконения» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а, 1810. Кн. 6. Д. 165. Л. 1⁶ об.].

При этом П. С. Шеншин гипотетически допускал, что некоторые участники могли высказать контраргументы, оправдывавшие вынужденные «отступления» при формировании избирательных списков. Не озвучивая содержание подобных контраргументов, он советовал всем тем, кто считали в сложившихся условиях возможным допустить частичные нарушения закона,

...подойти к Зерцалу, на столе у господ губернского и уездного предводителей стоящему, и прочесть изображенные на нем в бозе почитающего государя нашего Петра Великого слова: «Всуде законы писать, когда их не хранить, или ими играть как в карты, прибирая масть к масти» [Там же. Л. 1⁶ об.].

В такой форме автор применяет еще один важный риторический прием – обращение к мнению исторического деятеля, авторитет которого публично невозможно отрицать. С начала XIX в. практически любая ссылка на высказывание Петра I или Екатерины II, вне зависимости от того, было оно реальным или являлось результатом позднейшей мифологизации образа императора, становилась безусловным аргументом в публичной дискуссии. В завершение своей речи П. С. Шеншин в ультимативной форме озвучивает принятое им на основании всех обозначенных ранее аргументов решение:

¹ После официального объявления разрешения на открытие дворянского собрания все его участники направлялись в городской собор для совершения молебна за здоровье императора и слушания наставления священника о важности предстоящего голосования. После этой процедуры дворяне приносили присягу «на беспристрастный выбор», см.: [Куприянов, с. 325–326].

Руководствуясь вышеизъясненными узаконениями, соблюдая справедливость и присягу, объявляю почтеннейшему дворянскому сословию, что при сих выборах ни к чему не могу приступить, если хотя малое что будет сделано в отмену изданных на оное узаконений [Там же. Л. 1⁶ об.].

Таким образом, он публично объявлял об отказе участвовать в баллотировке кандидатов на выборные должности.

Проведенный анализ «голоса» Н. С. Шеншина позволяет сделать несколько важных для понимания мировоззрения поместного дворянства первой половины XIX в. обобщений. Наиболее значимые и действенные аргументы выстраивались посредством установления взаимосвязей между концептами «закон», «беспристрастие», «обязанность», «предписание начальства», «честность пред собой и Богом». Все они органично сочетались с идеологемой безусловной поддержки российским дворянством намерений Петра I и Екатерины II по формированию ответственного отношения российского подданного к «службе на благо Отечества». Однако автор не просто заявляет о приверженности идеальной модели поведения дворянина, но и публично отказывается совершать действия, которые этой модели противоречат. В этой связи важно выявить не только способ аргументации отказа от участия в выборах, но и то, на какой результат он рассчитывал. Маловероятным представляется, что Н. С. Шеншин был уверен в незамедлительном исправлении всех указанных недостатков, так как в этом случае выборы просто бы не состоялись в силу недостаточного количества кандидатов. Более того, сроки проведения выборов устанавливались министром внутренних дел с периодичностью один раз в три года и не могли быть перенесены по решению собрания, предводителя дворянства и даже губернатора. В этих обстоятельствах для него важен был не столько практический результат, сколько возможность публично продемонстрировать свою личную позицию, показать пример того, как должен вести себя дворянин, стремящийся исполнить свой гражданский долг². Такая демонстрация возможности противопоставления индивида сложившейся практике принятия не соответствующих «букве и духу закона» решений полностью соответствовала провозглашаемому в тексте присяги обещаниям дворянина избегать «пристрастия», «собственной корысти», помнить о «пользе и благе всего Отечества».

Важным фактором, способствовавшим появлению сознательной установки на публичную демонстрацию приверженности «букве закона», «общему благу», «общественной пользе», личной ответственности и готовности к «общественному служению», были «наставления» и «приветственные речи» при открытии дворянских собраний. В некоторых случаях тексты таких выступлений становились до-

² В материалах дела есть упоминание о реакции участников дворянского собрания на заявление Н. С. Шеншина: некоторые дворяне предположили, что он желал сам избраться на должность в «милицию», но не был включен в список кандидатов.

ступными широкой читательской аудитории. Например, в «Вестнике Европы» за 1809 г. читателям был представлен текст речи, произнесенной В. Полетикой в дворянском собрании Полтавской губернии. На протяжении всего выступления автор высказывал уверенность в том, что собравшиеся в дворянском собрании признают взаимосвязь частной и общей пользы. Для него как человека, неоднократно участвовавшего в выборах, очевидно, что в сознании «человека общественного», к которым, безусловно, относятся представители дворянства, подобная взаимосвязанность является устойчивым осознанным элементом мировоззрения. В этой связи В. Полетика отмечал:

...уже третий раз имею удовольствие читать на лицах ваших то, что вы ищите собственного благополучия в общем всех, что в совести, законе и благомыслии находите вы и теперь первые для себя правила [Речь, произнесенная в Полтаве, с. 262].

Логическим следствием признания естественной взаимосвязи частного и общественного, по словам автора, является понимание важности активного участия дворянства в процедуре избрания и последующего «служения» на выборных должностях. Рассуждая о «непреклонном долге общественного человека», он призывает собравшихся дворян помнить о том, что «богатый и бедный, сильный и слабый, всякий праздный гражданин вреден» [Там же, с. 263]. На этом фоне активное участие публично объявлялась желательной моделью поведения дворянина на выборах.

Наряду с уверенностью в стремлении участников дворянского собрания действовать во имя «общего блага», в речи В. Полетики были изложены также и прагматичные аргументы, которые должны были показать необходимость заинтересованного отношения дворян к выборной процедуре. Первый из их условно можно назвать аргументом *ответственного группового (солидарного) представительства*, то есть представительства не абстрактных групп, объединенных лишь общинностью «состояния» или места жительства на территории уезда/губернии, а конкретных людей, с которыми многие были лично знакомы. Используя образные сравнения, В. Полетика задавал риторический вопрос:

Сравнитесь ли вы с бессмысленными животными, позабудете ли братья своих, отсутствующих иверяющих здесь свою честь, свою безопасность и свое спокойствие вашему беспристрастию, вашей благонамеренности и разборчивости, и с ними вместе Отечество? [Там же].

В такой формулировке ответ и для автора, и для слушателей был очевиден, так как любой дворянин должен был быть способен осознавать ответственность за совершаемые им действия. Второй аргумент, используемый для усиления первого, – напоминание о том, что созыв дворянских собраний и возложенная на них обязанность выбирать

чиновников происходят по воле императора, который рассчитывает на искреннее и деятельное участие дворянина:

Верховная власть призывает вас опять к отечественному служению. <...> Сколь скоро общественное служение перестает быть первым делом граждан, сколь скоро любят они служить одним богатством своим, а не лицами; тогда государство, поддерживаемое не сынами своими, а наемниками, близко уже к своему падению [Речь, произнесенная в Полтаве, с. 263–264].

В данном случае процедура баллотирования на выборные должности преподносилась как реальная возможность проявить «общую волю» равнодушных к судьбе отечества граждан, которые могут выразить свое мнение вне зависимости от чинов или материального положения конкретного индивида. Установленное законом равенство права дворянина выражать свое мнение является гарантией принятия справедливых и всесторонне продуманных решений: «В сем благородном собрании своем вы излагаете общую волю всех – волю всегда справедливую и полезную!» [Там же, с. 264].

Завершая обоснование важности *группового мнения*, автор переходит от абстрактных утверждений и призывов к наставлениям по выполнению главной задачи дворянского собрания – определению чиновников на выборные административные и судебные должности. Для него принципиально важными качествами потенциальных кандидатов были «просвещение», «нравственность», «прямотушие», способность к «состраданию» и «защите слабых». Наличие у избранного большинством голосов кандидатов таких качеств, по мнению Полетики, необходимо и непосредственным участникам собрания, и всем тем, кто проживает на территории губернии.

Ориентиром же для тех, кто будут избраны судьями, по мнению В. Полетики, должны быть юридические принципы, сформулированные в произведениях известных европейских мыслителей: «Пусть не выпускают из рук своих просвещеннейших законописателей Рейналя и Бентама и черпают в них наставления к благоденствию людей» [Там же, с. 266]. В таком контексте подчеркивалась близость теоретических оснований правовой системы России и развитых стран Европы, знание которых поможет принимать законные и справедливые решения по защите имущественных прав, личного достоинства отдельных граждан и безопасности общества в целом.

Сопоставление аналогичных выступлению В. Полетики текстов показало, что в публичном пространстве («речи» в дворянских собраниях, публикации в журналах, официальные наставления представителей губернской администрации, указы о созыве собрания и т. п.) неоднократно предлагался образ равнодушного образованного дворянина, который стремится быть «полезным Отечеству» и активно участвует в избирательной процедуре, неукоснительно соблюдая все законы и предписания верховной власти. Такая модель поведения отчасти

соответствовала сформированному еще во второй половине XVIII в. представлению дворянина о «службе» и «чести» [Марасинова].

Однако публичная демонстрация приверженности дворянина «честно и беспристрастно» участвовать в работе дворянских собраний не означала повсеместного распространения данной модели поведения на практике. Напротив, анализ содержания разнообразных жалоб «о беспорядках при проведении выборов» позволил выявить множество случаев целенаправленного нарушения предписываемого образца поведения. Нарушение принципа «беспристрастия» зафиксировано, например, в представлении министру внутренних дел от смоленского гражданского губернатора С. С. Апраксина 18 мая 1805 г. Автор сообщал, что главная причина, предопределявшая невозможность проявления избранными кандидатами «должного беспристрастия и справедливости», – подкуп выборщиков кандидатами, претендующими на место судьи или исправника:

Дворянин, желающий быть избранным или желающий избрать кого-либо к занятию важного поста в своем уезде, прежде отъезда в губернский город составляет партию. Глава, начальствующий оною, имея в виду не общие, а собственные свои виды, побуждение и пользу, назначает наперед, кого им избрать и кого отвергнуть должно. Иногда бывает таковых партий в одном уезде две или три. Каждая старается по возможности себя усилить числом, привлекая для умножения избирательных балов самобеднейших дворян, провоз которых до губернского города, содержание их во все продолжение выборов и своз до дома остается обыкновенно на счет приглашающих [РГИА. Ф. 1284. Оп. 3. 1805. Кн. 22. Д. 8. Л. 167—167 об.].

Аргументируя свое негативное отношение к возникновению «партий», С. С. Апраксин акцентировал внимание не только на несоответствии поведения участников предвыборного сговора идеалу бескорыстного общественного служения. По его мнению, причиняемый «вред обществу» имел экономические и правовые последствия, так как избранные в результате предварительных договоренностей чиновники неизбежно становились зависимыми от тех, кто их поддержал, а, следовательно, они не могли честно исполнять свои служебные обязанности. Именно поэтому электоральные «партии» рассматривались как недопустимая форма самоорганизации местного дворянства, основанная на расчете получить протекцию при решении судебных тяжб или, напротив, затягивания процесса рассмотрения дел о долгах, недоимках или штрафах. Для искоренения негативных последствий «пристрастного» избрания чиновников С. С. Апраксин просил министра представить императору предложение о необходимости упразднения выборности земского исправника и уездного судьи и введения практики назначения на эти должности чиновников от «короны» [Там же. Л. 168].

Предварительный подкуп избирателей и иные способы привлечения голосов за конкретного кандидата формально не являлись нару-

шением действующего законодательства. Мелкопоместное дворянство рассматривало подобную практику как вполне допустимый способ уменьшить расходы на исполнение общественных обязанностей. Для большинства же «начальников губерний», в отличие от смоленского губернатора Апраксина, предварительные договоренности участников служили своеобразной гарантией участия достаточного для проведения голосования на все вакантные должности количества дворян.

В общем виде на фоне растущей рационализации электорального поведения [Куприянов, с. 384] и заметного материального неравенства дворянства выборы способствовали периодическому воспроизводству клиентелистской модели отношений³. Небогатый дворянин и его условный покровитель объединяли усилия для достижения конкретной цели – избрания кандидатов на должности служащих уездного суда, земского суда, совестного суда, уездного и губернского предводителя дворянства. Помимо возможности оказывать влияние на ход рассмотрения судебных исков, выборные от дворян входили в состав квартирных комиссий, а предводители дворянства участвовали в процедуре «раскладки» рекрутской повинности по помещичьим имениям и в назначении опеки [ПСЗ-1, т. 20, № 14509, с. 416; т. 30, № 23114, с. 344]. Все эти функции позволяли решать множество частных, но очень значимых для конкретного дворянина вопросов.

В России первой четверти XIX в. электоральный клиентелизм в зависимости от того, кто был инициатором вовлечения местных дворян в группу поддержки кандидата, мог быть как кратковременным, так и достаточно длительным процессом. В первом случае инициатором был состоятельный кандидат, который, получив желаемую должность, мог не обращаться к своим сторонникам из числа «самобеднейших крестьян» как минимум до следующих выборов либо помогать им в решении незначительных вопросов эпизодически. Второй же сценарий, если организаторами участия «сторонников» оказывались влиятельные персоны, заинтересованные иметь на должности предводителя дворянства, судьи или стряпчего «своего человека», подразумевал готовность внимательно слушать и исполнять пожелания своих покровителей на протяжении длительного периода времени. При этом, вне зависимости от продолжительности, возникавшие таким образом клиентские взаимоотношения не имели политической направленности.

В работах дореволюционных историков образование патерналистских, утилитарно ориентированных «партий» получило негативную оценку как свидетельство «необразованности провинциального дворянства» и непонимания им важности для дальнейшего политического развития страны отстаивания сословных интересов посредством укрепления независимости дворянских собраний [Корф, с. 350, 355; Романович-Славатинский, с. 433]. Однако, на мой взгляд, в условиях территориальной и материальной разобщенности дворянского сосло-

³ О характерных признаках и условиях возникновения данной модели см.: [Эйзенштадт, Ронигер, с. 6–40].

вия именно прагматические цели становились катализатором процесса группообразования вне границ соседских отношений дворян одного уезда. В процессе конкуренции за возможность оказывать влияние на решение частных вопросов постепенно созревало понимание важности *групповой солидарности*, которая особенно заметно проявлялось в случае возникновения электоральных конфликтов между дворянским собранием, предводителем дворянства и губернскими властями.

Формальное обстоятельство для начала таких конфликтов – неутверждение губернатором результатов голосования на выборах в дворянских собраниях. Как правило, одна из сторон, желая объяснить свою позицию и доказать ее обоснованность, незамедлительно сообщала о произошедшем министру внутренних дел. С этого момента противостояние приобретало форму борьбы аргументаций, которые должны были убедить коронные власти в обоснованности действий участников противостояния.

Подобный сценарий отчетливо прослеживается, например, в деле по жалобе дворянского собрания Казанской губернии на действия вице-губернатора Ф. П. Гурьева, направленной весной 1815 г. министру внутренних дел О. П. Козодавлеву⁴. Основные положения жалобы были практически дословно воспроизведены в рапорте министра Сенату. Все три пункта выдвигавшихся против вице-губернатора обвинений были связаны с проявлением *«неуважения» к коллективному мнению дворянского собрания*. Во-первых, он «настоятельно требовал возобновления выборов, не уважив просьбы дворянства об отсрочке оных до возвращения ополчения»⁵. Аргументируя перенос выборов на более поздний срок необходимостью дожидаться возвращения дворян из ополчения, авторы жалобы писали, что данная мера позволит «места, от выборов зависящие, наполнить достойными чиновниками», что безусловно совпадало с официально заявленными целями созыва дворянского собрания. Во-вторых, А. Ф. Гурьев «промедлил» с утверждением на должности уже избранных собранием кандидатов: уездного и губернского предводителя – на шесть дней, а остальных – на срок от 23 до 25 дней. Третьим и самым весомым аргументом дворянства против вице-губернатора стало его «несправедливое» решение об отказе в утверждении на должности 24 дворян, «кои имели полные права на выборы» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а (1814). Кн. 91. Д. 252. Л. 293 об. –294]. В такой формулировке апелляция к справедливости в сочетании с упоминанием права дворянства на избрание «достойных кандидатов» подчеркивала приоритетность коллективного мнения перед решением одного чиновника, который, как и любой индивид в отдельности, мог быть пристрастным.

⁴ Этот случай был не единственным примером противостояния дворянства и власти в Казанской губернии [Бикташева, с. 71–84].

⁵ Опасения дворян подтвердились: после завершения баллотировки «осталось еще 30 мест по выборам, незаемщенным по причине недостатка дворян» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а, 1814. Кн. 91. Д. 252. Л. 293].

В объяснительной записке министру внутренних дел, составленной в форме ответов на высказанные в его адрес претензии, А. Ф. Гурьев не отрицал право дворян губернии избирать «достойных чиновников». Но для него принципиальное значение имело не абстрактное рассуждение о справедливости или заявление о правах дворянства участвовать в определении чиновников на должности, не общий «дух закона», трактуемый современниками как совокупность принципов, позволяющих отступить от формальных требований закона, если это способствует выполнению его главного назначения. Объясняя свое решение, А. Ф. Гурьев, по сути, излагает ту же позицию, которая отчетливо прослеживается в анализируемых выше публичных выступлениях Н. С. Шеншина и В. Полетики – важны не только «дух», но и «буква закона». В рамках данной системы аргументов он подробно излагал причины неутверждения уже избранных дворян: два человека были ранее отстранены от должностей по подозрению во взятках, два оштрафованы; один «предан суду за беспечность и нерадение в производстве следствия»; один «замечен уголовною палатой в упущении и послаблении виновных»; один «замечен в нетрезвом поведении и буйных поступках, публично оказанных им»; один кандидат был моложе 25 лет, а остальные 17 не имели собственного имения или не были записаны в дворянскую родословную книгу [РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а (1814). Кн. 91. Д. 252. Л. 295]. Очевидно, что формально вице-губернатор действовал в строгом соответствии с законом. Как минимум четыре обозначенных основания для отказа свидетельствовали о существенных нарушениях баллотировавшихся кандидатов на прежнем месте службы, что ставило под сомнение их способность «беспристрастно» исполнять обязанности на выборных должностях. Но и такие с формальной точки зрения неопровержимые аргументы не остановили наиболее активных участников дворянского собрания. Настаивая на необходимости отмены решения А. Ф. Гурьева, они, в свою очередь, по каждому кандидату представили письменные объяснения, общий смысл которых сводился к констатации недоказанности их виновности [Там же. Л. 295–297].

Приведенный пример наглядно показывает, каким образом происходило формирование в ходе электоральных конфликтов дискурса о справедливости и законности принимавшихся местными властями решений, значимости коллективного мнения и возможности его отстаивания посредством обращения к чиновникам общероссийского уровня. В отдельных случаях противостояние дворянского общества и губернатора доходило до провозглашения автономности дворянского самоуправления, а следовательно, его независимости от местной власти.

Показателем актуальности вопроса о роли группового мнения в ходе электоральных конфликтов было составление дворянскими собраниями не предусмотренных законом «самовольных постановлений». Так, в ходе проведения Н. И. Огаревым сенаторской ревизии Саратовской губернии выяснилось, что в ходе выборов 14 января

1825 г. предводители Камышинского и Царицынского уезда «с наличными благородными дворянами» составили «самопроизвольный акт», в котором сообщалось:

...по совершенному неимению в обоих наших уездах из наличных свободных дворян, на баллотирование право имеющих, по известной нам способности, честному служению и хорошему поведению избрали мы жительствующих в наших городах Камышине и Царицыне дворян, не имеющих в округе онаго деревень, ни поместьев, а только одни в городах дома и при них услугу [РГИА. Ф. 1557. Оп. 1. Д. 88. Л. 14–14 об.]

Осознавая незаконность избрания, участники голосования считали принципиально важным зафиксировать «общее мнение дворянства» не обычным протоколом, а отдельным актом, который мог быть дополнительным аргументом при неутверждении данного решения губернатором.

К явному противостоянию дворянства и губернских властей привело составление в январе 1811 г. «самопроизвольного акта» в Олонецкой губернии. В общем виде сценарий возникновения конфликта был таким же, как и в большинстве подобных случаев. По результатам проверки губернатором В. Ф. Мертенсом избирательных списков выяснилось, что из 44 участников собрания только семь человек были записаны в дворянскую родословную книгу, то есть формально 37 депутатов, в том числе и избранный на должность губернского предводителя дворянства надворный советник Тяпалков, не имели права голоса. Одновременно с этим оказалось, что к выборам были «допущены такие дворяне и чиновники, которые состояли под судом и по оному не оправданы» [РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1811. Д. 293. Л. 29, 38]. Основываясь на изложенных фактах, губернатор не утвердил уже избранных кандидатов на выборные должности. Недовольные таким решением дворяне отправили домой к губернатору «депутацию», в состав которой входили бывший и только что избранный предводители дворянства, а также губернский прокурор. После отказа губернатора утвердить результаты выборов на квартире предводителя дворянства были составлены два протокола, содержание которых не было доведено до сведения губернатора. Более того, на требование доставить копии этих документов, по словам губернатора, предводитель дворянства заявил:

Поелику собрание ни в каком случае не подвержено в движениях своих и делах ответу, то и он ничего более донести мне не может, как ровно и доставить мне требуемые копии, не имея от дворянского собрания поручения [Там же. Л. 37].

Адресованное лично губернатору Мертенсу, подобное заявление демонстрировало результат размышлений местного дворянства о пределах власти губернатора во взаимоотношениях с дворянским

собранием. По логике предводителя дворянства, если в соответствии с законом губернатор не имел права присутствовать при голосовании в дворянском собрании, то он и не должен был вмешиваться в принятие любых решений благородным дворянством. Правовой основой такого рода аргументации могли быть два указа от 16 августа 1802 г., определявших ответственность губернаторов за превышение установленных законом полномочий [ПСЗ-1, т. 27, № 20372, с. 221–222; № 20374, с. 223–226]. Можно предположить, что составленные дворянами протоколы изначально были адресованы не губернатору как одному из заинтересованных субъектов конфликта, а имперским властям, которые могли оказать на него решающее воздействие.

К сожалению, составленные дворянами протоколы впоследствии были уничтожены, и о их содержании нам известно только по оценочному суждению в указе Правительствующего сената от 30 апреля 1811 г. При описании беспорядков на выборах сообщалось:

Собрание... составило два протокола, наполненные выражениями непристойными на счет установленной законами власти и неприличными образу мыслей благородного сословия и рассуждениями, дух неповиновения обнаруживающими [РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1811. Д. 293. Л. 38 об.]

Этим же указом от должностей были «отрешены» и подвергнуты «надлежащим по закону взысканиям» советник губернского правления (бывший ранее губернским предводителем дворянства) Киприянов, избранный дворянским предводителем Тяпалков, губернский прокурор Львов, а также все подписавшие самовольно составленные протоколы.

* * *

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать ряд принципиально важных обобщений. Существенным фактором, способствовавшим осознанию участниками дворянских собраний необходимости внутригрупповой консолидации, была *электоральная конкуренция*, которая возникала в результате стремления кандидатов (или их покровителей) на выборные должности получить доступ к судебным-административным ресурсам для достижения экономических и карьерно-статусных целей. Однако уровень электоральной конкуренции, а следовательно, и понимания значимости групповой солидарности в различных губерниях мог существенно отличаться вследствие целого ряда объективных и субъективных причин. В данном контексте было бы ошибочным предполагать наличие общей тенденции в отношении дворянства к выборам даже для тех российских губерний, где существовала практика их проведения⁶.

⁶ В губерниях с небольшим количеством дворян служащие местных судов и администрации назначались «коронной властью».

В одних регионах наиболее значимой причиной, определявшей низкую конкурентность избирательного процесса, был недостаток кандидатов для определения на выборные должности. Не менее значимым обстоятельством, снижавшим уровень электоральной конкуренции, было уклонение некоторых дворян от участия в выборах, а иногда и от последующего исполнения обязанностей на выборных должностях [Корф, с. 447–448, 312–332, 354–355; Романович-Славатинский, с. 494–495, 497]. В ряде местностей такое поведение дворян вынуждало губернаторов обращаться с прошениями назначать на выборные должности чиновников от короны. Реагируя на подобные обращения, верховная власть неоднократно объявляла о недопустимости безответственного отношения к «общественной службе» [ПСЗ-1, т. 27, № 20381, с. 228, № 20734, с. 570; т. 30, № 23538, с. 878–881].

Но одновременно с губерниями, где в силу недостатка «достойных для участия» дворян выборы проводились без заметной конкуренции, были и губернии, в которых борьба за возможность занять выборную должность приводила к формированию электорального клиентелизма и различным нарушениям процедуры голосования. Подобные действия свидетельствуют о существовании реального соперничества, так как патронам бессмысленно было финансировать участие групп поддержки кандидатов в случае, если фактической конкуренции на выборах не было, и они не приносили ожидаемых результатов [Гилев, с. 30, 38]. Доминирование же примитивных способов «вербовки» выборщиков объясняется не только бедностью части уездного дворянства, для представителей которой поездка на две-три недели в губернский город была слишком дорогим путешествием. В условиях, когда процедура голосования не предусматривала выступлений кандидатов с какими бы то ни было заявлениями, предложениями или программами, так как в случае избрания круг их должностных обязанностей был заранее определен, отличия одного кандидата от другого могли состоять в признаваемых обществом личных качествах и опыте «службы по военной или гражданской части».

Все это на фоне несформированности политического языка в России обуславливало положение, при котором аргументация справедливости требований участников электоральных конфликтов сводилась чаще всего к прямому цитированию юридических норм, апелляции к авторитету Петра I, Екатерины II, Александра I. При аргументации важности коллективно принятого решения ключевыми оказывались понятия «честь», «беспристрастие», «справедливость», «дух закона», «обязанность», «непреложный долг», «общественное служение», «общее благо», «польза Отечества», «общее мнение», «право выбора», «обида всему дворянству», которые концептуально апеллировали к идеальной модели поведения дворянина. Своеобразие сложившихся способов аргументации состояло в том, что сама эта модель поведения транслировалась верховной властью посредством законодательных актов, и она же становилась основанием для

обоснования важности коллективного выбора дворянских собраний в случае возникновения принципиальных разногласий между губернатором и частью дворянства. Действенным способом показать значимость коллективно принятого решения было утверждение, что дворянское собрание посредством выборных процедур способно безошибочно и объективно определить достойных кандидатов на административные и судебные должности, а, следовательно, оно помогает монарху и способствует достижению «общего блага». С этих позиций в случае, если процедура избрания была проведена с нарушениями установленных правил, возможно было перенести смысловой акцент на значимость не только «буквы», но главным образом «духа закона», который предписывал не отдавать предпочтение формальным мелочам, а уважать «общее мнение» дворянского собрания губернии. В общем виде возникавшие в первой четверти XIX в. электоральные конфликты имели не идеологический, а персонифицированный и ситуативный характер, обусловленный личными взаимоотношениями между претендентами на должность и позицией губернатора. При этом обе конфликтующие стороны единственным справедливым и беспристрастным арбитром в спорах между губернской администрацией и дворянами считали имперскую администрацию во главе с российским монархом. Подобная установка была обусловлена не только традиционными патерналистскими моделями поведения, но, пусть и не всегда последовательными, действиями имперской власти по юридической регламентации и защите дворянских собраний от произвола губернаторов [Романович-Славатинский, с. 440–446].

Таким образом, язык самоописания действий дворян, не согласных с решением губернских властей, хотя и не имел ярко выраженной оппозиционной направленности, отражал зарождение основополагающего элемента, без которого перспектива формирования институтов гражданского общества не может быть реализована, – это осознание важности коллективной солидарности и готовности отстаивать принятое решение даже в том случае, если это сопровождается конфликтом с местной администрацией.

Сопоставление конкретно-исторических проявлений процесса становления и структурных изменений «публичной сферы» стран Европы [Хабермас] с особенностями институциональной организации публичных коммуникативных практик российского дворянства первой четверти XIX в., на мой взгляд, дает основание утверждать о возникновении в России основных элементов публичной сферы. Появление в столичных и крупных губернских городах разнообразных клубов, кружков, литературных салонов, благотворительных, «вольных» и «официальных» обществ постепенно сформировало сеть коммуникативных центров, способствовавших публичному обсуждению как повседневных, так и общественно-значимых для данного сообщества вопросов. В этой системе коммуникаций периодически собиравшиеся дворянские собрания, даже с учетом обозна-

ченных выше различий в моделях электорального поведения местного дворянства, были одним из элементов публичной сферы и играли важную роль в формировании и воспроизводстве представлений о значимости общественного мнения и о допустимых формах проявления групповой солидарности. При этом, вне зависимости от характера конечного результата по конкретным делам, электоральные конфликты создавали ситуацию, при которой губернаторы, министр внутренних дел, сенаторы и члены Государственного совета вынуждены были реагировать на донесения о беспорядках на выборах, вступать в переписку и выстраивать свою аргументацию принимаемых решений. Таким образом, даже в условиях ограниченности функций дворянского собрания наиболее активная часть местного дворянства могла оказывать коммуникативное воздействие на властные структуры различного уровня. В тех губерниях, где выборы сопровождались проявлениями групповой солидарности, осуществление обратной связи со структурами местной и высшей имперской администрации становилось дополнительным стимулом для поиска аргументов, позволяющих показать, что право выбора дворянина – это не только установленная верховной властью форма проявления общественной службы, но и его право отстаивать личное мнение.

Список литературы

Бикташева А. Н. Губернатор как жертва конфронтации коронной власти, губернского дворянства и «локального» общества (первая половина XIX века) // История и историческая память. 2012. Вып. 5. С. 71–84.

Гилев А. Черные кошки в темных комнатах: исследование политического патронажа в общественных и гуманитарных науках // Патрон-клиентские отношения в истории и современности : хрестоматия. М. : Полит. энцикл., 2016. С. 6–40.

Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атанашев, М. Велижев. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 628 с.

Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1906. VIII, 720 с.

Куприянов А. И. Выборы в русской провинции, 1775–1861 гг. М. : Центр гуманитар. инициатив ; СПб. : [Б. и.], 2017. 400 с.

Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам переписки). М. : РОССПЭН, 1999. 299 с.

ПСЗ-1. Т. 20, 27, 30.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 3, 1805. Кн. 22. Д. 8; Оп. 4а, 1810. Кн. 6. Д. 165; Оп. 4а. 1814. Кн. 91. Д. 252; Ф. 1286. Оп. 2. 1811. Д. 293; Ф. 1557. Оп. 1. Д. 88.

Речь, произнесенная в Полтаве маршалом Малороссийской Полтавской губернии Роменского повета Василием Поветикою в собрании дворянства сей губернии 11 января 1809 года // Вестн. Европы. 1809. № 4. С. 262–266.

Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1870. 562 с.

Российский либерализм: идеи и люди : в 2 т. / под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. М. : Новое изд-во, 2018. Т. 1. XVIII–XIX века. 680 с.

Тимофеев Д. В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск : Пирс, 2006. 200 с.

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества / пер с нем. В. В. Иванова. М. : Весь мир, 2017. 344 с.

Эйзенштадт Ш. Н., Ронигер Л. Патрон-клиентские отношения как модель структурирования социального обмена // Патрон-клиентские отношения в истории и современности : хрестоматия. М. : Полит. энцикл., 2016. С. 366–414.

References

Atnashev, T., Velizhev, M. (Eds.). (2018). *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 628 p.

Biktasheva, A. N. (2012). Gubernator kak zhertva konfrontatsii koronnoi vlasti, gubernskogo dvoryanstva i "lokal'nogo" obshchestva (pervaya polovina XIX veka) [The Governor as a Victim of Confrontation between Crown Power, the Provincial Nobility, and "Local" Society (First Half of the 19th Century)]. In *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*. Iss. 5, pp. 71–84.

Eisenstadt, S., Roniger, L. (2016). Patron-klientskie otnosheniya kak model' strukturirovaniya sotsial'nogo obmena [Patron-Client Relations as a Model for Structuring Social Exchange]. In *Patron-klientskie otnosheniya v istorii i sovremennosti. Khrestomatiya*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, pp. 366–414.

Gilev, A. (2016). Chernye koshki v temnykh komnatakh: issledovanie politicheskogo patronazha v obshchestvennykh i gumanitarnykh naukakh [Black Cats in Dark Rooms: A Study of Political Patronage in the Social Sciences and the Humanities]. In *Patron-klientskie otnosheniya v istorii i sovremennosti. Khrestomatiya*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, pp. 6–40.

Habermas, J. (2017). *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery: issledovanie otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [The Structural Transformation of the Public Sphere: A Study on the Category of Bourgeois Society] / transl. by V.V. Ivanov. Moscow, Ves' mir. 344 p.

Kara-Murza, A. A. (Ed.). (2018). *Rossiiskii liberalizm: idei i lyudi v 2 t.* [Russian Liberalism: Ideas and People. 2 Vols.]. Moscow, Novoe izdatel'stvo. Vol. 1. XVIII–XIX veka. 680 p.

Korf, S. A. (1906). *Dvoryanstvo i ego soslovnnoe upravlenie za stoletie 1762–1855 godov* [The Nobility and Its Class Management over a Century, 1762–1855]. St Petersburg, Tipografiya Trenke i Fyusno. VIII, 720 p.

Kupriyanov, A. I. (2017). *Iybory v russkoi provintsii, 1775–1861 gg.* [Elections in the Russian Province, 1775–1861]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, St Petersburg, S. n. 400 p.

Marasimova, E. N. (1999). *Psikhologiya elity rossiiskogo dvoryanstva poslednei treti XVIII veka (po materialam perepiski)* [The Psychology of the Elite of the Russian Nobility in the Last Third of the 18th Century (Based on Correspondence)]. Moscow, ROSSPEN. 299 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 20, 27, 30.

Rech', proiznesennaya v Poltave marshalom Malorossiiskoi Poltavskoi gubernii Romenskogo poveta Vasil'em Poletikoyu v sobranii dvoryanstva sei gubernii 11 yanvarya 1809 goda [A Speech Delivered in Poltava by Vasily Poletika, Marshal of the Little Russian Poltava Province of Romny County in a Meeting of the Nobility of the Province on 11 January 1809]. (1809). In *Vestnik Evropy*. No. 4, pp. 262–266.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1284. List 3, 1805. Book 22. Dos. 8; List 4a, 1810. Book 6. Dos. 165; List. 4a, 1814. Book 91. Dos. 252; Stock 1286. List 2, 1811. Dos. 293; Stock 1557. List 1, Dos. 88.

Romanovich-Slavatinskii, A. V. (1870). *Dvoryanstvo v Rossii ot nachala XVIII veka do otneny krepostnogo prava* [The Nobility in Russia from the Early 18th Century to the Abolition of Serfdom]. St Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. 562 p.

Timofeev, D. V. (2006). *Evropeiskie idei v Rossii: vospriyatie liberalizma pravitel'svennoi elitoy v pervoi chetverti XIX veka* [European Ideas in Russia: the Perception of Liberalism by the Government Elite in the First Quarter of the 19th Century]. Chelyabinsk, Pirs. 200 p.

The article was submitted on 25.04.2020